

ПОНЯТИЕ «МИР» В КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Е. В. Хомич

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

E-mail: khomichel@yandex.ru

Своим становлением древнеславянская книжная культура обязана христианству, которое принесло на Русь не только веру, но и грамотность. Фактически только с появлением письменности Русь действительно вступает в историю, открывая себя для внешнего мира и получая доступ к освоению богатейшего греко-византийского наследия. Одновременно, письменность становится основой собственной культурной памяти и духовного творчества. Отсутствие аутентичной философской традиции у славян способствовало восприятию православных текстов в качестве гарантов высшей истины и мудрости, определив своеобразный религиозный способ отношения к знанию, понимаемого здесь как результат не умозаключения и анализа, но веры и откровения.

Одной из глубинных особенностей христианства является обращенность к духовному опыту личности. Вместе с тем, для древнеславянской книжности не характерен особый психологизм. Акцентуация феноменов души и внутреннего опыта начинается гораздо позже, после «великого молчания» средневековой Руси. Для культуры Киевской Руси в большей степени свойственен пристальный интерес к проблемам Творения и мироустройства. В этом плане показательна направленность наиболее почитаемых переводных книг: «Шестоднев», «Физиограф», «Диалектика» Дамаскина, апокрифы. Преимущественно все они связаны с христианскими трактовками природного бытия, а в случае апокрифической литературы предлагают полуязыческие версии творения мира и человека.

Само понятие «мир» можно представить в качестве своеобразного аксиологического центра культуры Древней Руси. Так же, как и в ситуации с античным космосом, обращает на себя внимание полисемантичность этого термина, которая восходит еще к языческому синкретизму, но, которая, по-своему, была развита письменной традицией. С одной стороны, мир (міръ; бел. «сусвет») – это то, что обозначает все сущее в его единстве и многообразии, красивое старое понятие «белый свет», отсылающее к поэтике солнечного неба, обожествляемого славянскими племенами. Последнее объясняется земледельческим укладом их жизни, зависевшей от солнечного дня, в отличие от мореплавателей и работоторговцев греков, поэтизировавших звездный космос.

С другой стороны, Сотворение мира, бывшее отправной точкой отсчета для славянского летоисчисления, начиналось с его Шестого дня. Белый свет как «су-свет» обязательно предполагал человека в качестве его соучастника (здесь опять напрашивается сравнение с равнодушной гармонией античного космоса, в которой нет места «человеческому, слишком человеческому»). Т.е., мир – это и конкретное сообщество, община «мирян», интегрированная своим топосом, традициями, нравами, социальный континуум, где совместно принимают решения, выносят оценки, разделяют радость и горе.

Наконец, мир (миръ) выступает и как социально-этическая категория, синоним согласия, договора, спокойствия. Учитывая реалии междоусобных распрей, когда брат шел на брата, мечта о мире всегда была одной из самых заветных в древнеславянской духовности, а служение ему почиталось больше, чем военные подвиги. В этом плане показательны примеры первых русских святых Бориса и Глеба, не желавших кровной вражды, но ставших ее жертвами; канонизация Александра Невского не как великого полководца, но как миротворца. В древнерусской книжности природный, социальный и нравственный аспекты понятия «мир» образуют единый содержательный комплекс

благодаря идее Творца, создавшего природу и человека и организовавшего их на основе принципов добра («И увидел Бог, что это хорошо»).

Для культуры Киевской Руси характерным свойством в оценке природного мира является эстетическая чувственность и образность восприятия, любование и восхищение мастерством Всевышнего. Сознание здесь еще по-язычески конкретно, устремлено к пониманию действительности в ее индивидуальной множественности и красочности. К примеру, Владимир Мономах в своих поучениях пишет следующее: «Велик ты, Господи, и чудны дела твои, разум человеческий не может постигнуть чудеса твои... Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет? И земля на водах положена, господи, твоим промыслом! Звери различные и птицы и рыбы украшены твоим промыслом, господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица, – если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по божьей мудрости» [1, с. 165–166].

Однако при всей множественности природного бытия, оно выступает одновременно как феномен удивительной гармоничности и порядка. Природа «соблюдает пределы», установленные ей Богом. «Так, море, мутимое бурями, воздымаясь на соседку землю и обрушиваясь, стыдится песка и не любит преступать определенных границ; но как конь бегущий удерживается уздой, так и море, видя неписанный закон, песком начертанный, возвращается в свои пределы. И реки, как устроены сначала, так и текут; и ключи бьют, и колодцы дают потребное людям. И все часы времени по порядку друг за другом проходят; по тому же закону и дни, и ночи хранят тот чин, и, будучи удлиняемы, не хвалятся, а сокращаемы, не тужат; но, друг от друга приемля пору, вновь без споров, долг отдавая, должное приемлют» [2, с. 189]. Впоследствии эта глубинная соразмерность индивидуальной множественности бытия, столь образно описанная в «Шестоднев» Иоанна Болгарского, в русской религиозной философии будет связана с проявлением софийности. Тема Софии еще не типична для духовных изысканий Киевской Руси, однако следует помнить, что именно ее храмы здесь были одними из самых первых и почитаемых.

Сакрализация природы в православной духовности сопровождалась существенным изменением архаических представлений о человеческом статусе в системе мироздания. Для восточнославянского язычества были характерны представления о достаточно паритетном сосуществовании природных богов и человека, взаимоотношения между которыми выстраивались через обмен жертвами и различного рода услугами. Христианство возвысило человека, который, будучи последним днем Творения, стал смыслом земли, получив ее в свое владение. В притче Кирилла Туровского Христос говорит человеку: «Тебе всю тварь в услужение создал. Небо и земля тебе служат: та влагой, а эта плодами. Ради тебя солнце светит и греет, и луна с звездами ночь освещает! Для тебя облака землю дождем напояют, и земля в службу тебе возвращает всякую траву семенную и дерево плодовитое! Ради тебя реки приносят рыбу, а пустыни питают зверей» [3, с. 212].

Христианство вознесло человека над природой, поставило его царем и господином всякой земной твари, однако привилегированное положение человека в мире не означало умаления природного начала и тиранической вседозволенности. Необходимо учитывать, что символ правления здесь был связан с понятием не столько господства, сколько «владения», по своему контексту более близкого к феноменам хозяйствования и служения, а не к абсолютной власти. Князей частенько «призывали», как когда-то в самом начале истории призвали Рюриков для «владения» и порядка, но, в случае отсутствия последнего, народное вече могло и изгнать неугодного властителя.

Созданная в угоду человека, природа отнюдь не является пассивным свидетелем его истории. Языческие представления о взаимозависимости природы и человека сохранены и даже усилены идеей о субстанциальном единстве сотворенного Богом мира и его порядка. Господь «... бессмысленные существа осмысленному роду. Однако же некоторые из бессловесных пакости творят и, сопротивляясь, восстают на своих властителей. Но ведь и

властители их то же делают: приняли почестъ владения смыслом и словом и восстанут на своего Творца. Потому-то и бессловесные эти восстанут, что они сами так поступают. Отсюда понятно, какое зло кому бы то ни было нарушать свой чин и безбоязненно преступать установленные ему пределы» [2, с. 187].

Будучи первичной сферой преломления Божественного промысла, природа выступает зачастую как посредник и орудие Господа. Через природу Бог обращается к людям, посылая знамения и предупреждая о грядущих катастрофах. Посредством стихийных бедствий он карает потомков Ноя за чрезмерную греховность. Благоприятное и неблагоприятное протекание природных процессов ставится в прямую зависимость от человеческого поведения. Логика здесь проста: будешь ты благолепен, будет и Бог к тебе милостив, и природа щедра. «Когда же впадет в грех какая-то земля, карает Бог ее смертью, или голодом, или нашествием поганых, или засухой, или гусеницей, или иными казнями, дабы мы обратились к покаянию» [4, с. 176].

Пожалуй, самым страшным грехом для того времени (да и для нашего) была братоубийственная война, несшая людям смерть, земле разорение. Ответственность за нее возлагалась на князей, и призыв к ним «Одумайтесь!» является достаточно константной темой древнеславянской книжной традиции. Бог, природа, люди, все в равной степени молят о мире на земле Русской, земле, действительно, «великой и обильной», но раздираемой на части гордыней и корыстолюбием власть имущих. Яркой иллюстрацией подобного совместного моления о мире может служить цитата из «Повести об убиении Андрея Боголюбского»: «Потому-то, узнав об убийстве твоём, страстотерпец княже Андрей, изумились небесные силы, глядя на кровь, за Христа проливаемую; рыдает народ православный, видя отца сирот и кормильца, омраченную тьмою звезду светоносную; а убийцы проклятые огнем окрещаются вечным, что пожигает тернье любого греха, то есть любое деянье. Ты ж, страстотерпец, проси всемогущего бога за потомство свое, и за родичей, и за Русскую землю – миру мир даровать» [5, с. 329].

Древняя Русь стала исторической родиной трех народов: русского, украинского и белорусского. В этот период у них был один язык, схожие верования, благодаря Крещению оформилась единая книжная традиция, для которой одной из центральных тем стала многогранная символика мира, понимаемого одновременно как «белый свет», сообщество и лад, согласие. Сегодня это отдельные государства, но, несмотря на разные языки и правительства, у них общие архетипы народной памяти, укорененные в эстетическом переживании великолепия «сусвета», убежденности в его нравственном порядке и мечте о социальной стабильности. И для всей их последующей практически тысячелетней истории остается актуальным призыв неизвестного автора XII в.: «проси всемогущего бога за потомство свое, и за родичей, и за Русскую землю – миру мир даровать».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Владимир Мономах. Поучение Владимира Мономаха // *Златоструй. Древняя Русь X–XIII вв. / Сост., авт. текст, коммент. А. Г. Кузьмина, А. Ю. Карпова. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С. 163–170.*
2. Из «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского // *Памятники литературы Древней Руси: XII в. / Вступит. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М.: Худож. лит., 1980. – С. 185–196.*
3. Кирилл Туровский. Слово о расслабленном // *Златоструй. Древняя Русь X–XIII вв. / Сост., авт. текст, коммент. А. Г. Кузьмина, А. Ю. Карпова. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С. 209–213.*
4. *Повесть временных лет / Сост., примеч. и ук. А. Г. Кузьмина, В. В. Фомина. Вступ. ст. и перевод А. Г. Кузьмина / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. – 544 с.*
5. *Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Памятники литературы Древней Руси: XII в. / Вступит. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М.: Худож. лит., 1980. – С. 324–337.*